

УДК 81'42; 81'23; 81'27
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-228-238

Структура массмедийного концепта *ПРОТЕСТ*: дискурсивные практики современности

Е. В. Лукашевич

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Представлены результаты моделирования массмедийного концепта *ПРОТЕСТ* на материале российского медиаполитического дискурса. Когнитивно-дискурсивный анализ текстов о протестах, связанных с выборами в Московскую городскую Думу в 2019 г., на сайте aif.ru позволил уточнить представления о концептуальной структуре протеста как части картины мира современного российского общества, выявить векторы идеологического и смыслового развития концепта. В результате анализа текстов о протестах охарактеризованы доминантные психолингвистические сценарии и интенциональные модели, особенности дискурсивных практик российского политического протеста; интенции, стиль общения журналистов и способы коммуникативного воздействия на целевую аудиторию.

Для создания негативного имиджа протестующего оппозиционера в текстах aif.ru наиболее часто используется доминантный сценарий «Обман» в сочетании со сценариями «Планирование / намерение» и «Неадекватность». Интенциональная группа «мы» оценивается преимущественно позитивно (самопрезентация), реже – нейтрально (информация), а интенсивность негативной оценки группы «они» («чужие») по мере развития ситуации протеста нарастает (от критики, обвинения до разоблачения). К основным коммуникативным стратегиям представления в медиатекстах протестующих относятся стратегия дискредитации, умаления авторитета.

Ключевые слова

когнитивно-дискурсивный анализ, массмедийный концепт, доминантные психолингвистические сценарии, интенциональные модели, коммуникативное воздействие, языковая интерпретация

Для цитирования

Лукашевич Е. В. Структура массмедийного концепта *ПРОТЕСТ*: дискурсивные практики современности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 228–238. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-228-238

The Structure of a *PROTEST* as a Mass-Media Concept: Modern Discursive Practices

E. V. Lukashevich

*Altai State University
Barnaul, Russian Federation*

Abstract

The article draws on the data gathered from Russian media-political discourse and presents the model a “protest” as a mass-media concept. The cognitive and discursive analysis of media reports on civil protests during the elections to Moscow City Duma in 2019 (on the website www.aif.ru) allows to nuance the conceptual structure of protests in the worldview of modern Russian society and to reveal the trends in the concept dynamics from the standpoint of ideology and meaning. The article defines dominant psycholinguistic scenarios and intent models, the specificity of discursive practices of Russian political protests, intentions and style of journalists, and tools employed to generate a specific communicative impact on the audience.

In the texts published on the website www.aif.ru, the negative image of a protesting opposition activist is created through the use of the dominant scenario “Deception” in combination with “Planning / Intention” and “Lack of propriety”. The intent group “Us” is assessed positively (self-representation), less often neutrally (information), while the intensity of the negative assessment of the group “Them” (“strangers”) increased as the protests progressed (from

© Е. В. Лукашевич, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism

“criticism” to “accusation” and subsequently to “exposure”). The primary communicative strategies for presenting protesters are the strategies of attacks on reputation and diminishing credibility.

Keywords

cognitive-discursive analysis, dominant psycholinguistic scenarios, intent modeling, communicative impact, linguistic interpretation

For citation

Lukashevich E. V. The Structure of a *PROTEST* as a Mass-Media Concept: Modern Discursive Practices. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, p. 228–238. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-228-238

Миросозидающая (ориентирующая) функция языка, отмечала Е. С. Кубрякова, позволяет установить довольно «устойчивую коррелятивную связь между тем, что познано, увидено и осмыслено человеком в мире “каков он есть”, и тем, что им поименовано, обозначено и включено в описание» [Кубрякова, 2009. С. 10]. По мнению исследовательницы, концепт представляет собой «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996. С. 90].

Соответственно, возможно моделирование языковой картины мира той или иной лингвокультуры (или ее части) на основе анализа языковых средств, вербализующих различные фрагменты концептуальной системы носителя культуры. Мы полностью согласны с Н. Н. Болдыревым в том, что «концептуально-тематические области выполняют функцию когнитивного контекста в процессах формирования новых смыслов, выступая как области их определения и интерпретации, как определенные “личностные конструкты”, или способы истолкования мира, по Дж. Келли» [Болдырев, 2017. С. 7]. В этом отношении трудно переоценить значение современного российского медиадискурса как ключевого когнитивного контекста, «где обретают свои культурные и идеологические формы все социальные процессы, где разрабатываются актуальные модели социальной идентичности, где определяется характер доминантных смысловых и идеологических векторов общественного сознания», и поэтому «информация, циркулирующая в обществе, не может быть толерантной (нечувствительной) к медиа, к своей медийной основе, медийной технологии» [Полонский, 2014. С. 110–111]. Медиадискурс мы рассматриваем «как способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий его» [Дзялошинский, 2013. С. 15–16].

В своем исследовании мы опираемся на характеристики массмедийного дискурса и массмедийного концепта, обозначенные А. В. Полонским: 1) концепт – основная когнитивная единица дискурса; 2) реконструкция массмедийного концепта позволяет выявить изменения «смысловой или стилистико-эмоциональной нюансировки знака»; 3) «двуслойный» характер концепта: с одной стороны, социальная обусловленность, а с другой – идеологическая, «задающая норму фокусировки, значимости и оценивания тех или иных фактов, событий, смыслов, задающей параметры когнитивной деятельности человека»¹.

В настоящее время растет интерес к анализу концепта *ПРОТЕСТ* и протестного дискурса у широкого круга представителей гуманитарных наук: политологов, филологов, социологов и т. п. Для нашего исследования важен когнитивно-дискурсивный аспект анализа концептуальной структуры на основе массмедиа. В той или иной степени он представлен в работах, на которые мы опирались. Так, М. В. Ильин, анализируя возможности и альтернативы протестных действий, выявляет культурные коды протеста с помощью описания внутренней формы и политических смыслов основных понятий протеста, ставит задачу раскрытия когнитивных схем идеи протеста [Ильин, 2014]. Р. Э. Бараш рассматривает протест как специфическую форму коммуникации, основу которой составляют определенный бинарный медиакод и тема

¹ Полонский А. В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml> (дата обращения 10.01.2020).

протеста [Бараш, 2018]. В концептуально важной для исследования протестного дискурса статье А. Б. Бушев отмечает, что «дискурсивный анализ актуальных социальных явлений чрезвычайно сложен, а методология такого анализа только разрабатывается» [Бушев, 2015а. С. 192]. Анализ языковых и риторических приемов в дискурсе массмедиа позволил автору продемонстрировать особенности «номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии <...>, а также манипуляции фактами, выдачи мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса» [Там же. С. 194]. В другой статье А. Б. Бушев продолжает исследование политического массмедийного дискурса, подчеркивая роль когнитивных техник интерпретации протестного контента, акцентируя зависимость описания протеста от политической позиции интерпретатора [Бушев, 2015б. С. 177].

Все сказанное выше обуславливает актуальность нашего исследования.

Цель статьи – проанализировать концептуальную структуру протеста в современном медиаполитическом дискурсе, выявить направления идеологического и смыслового развития массмедийного концепта *ПРОТЕСТ*.

Материалом для анализа послужили тексты о протестах, связанных с выборами в Московскую городскую Думу (далее – Мосгордума) в 2019 г., опубликованные на сайте aif.ru в июле-августе 2019 г. ² СМИ «aif.ru» зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, регистрационный номер Эл № ФС77-31805 от 23 апреля 2008 г. [Там же]. Всего нами проанализировано 15 текстов (выборка за указанный период), объем каждого из которых от 5 000 до 20 000 знаков (с пробелами).

Для достижения цели мы использовали следующие методы: контент-анализ пилотной выборки текстов на сайте aif.ru, интен-анализ, семантико-стилистический анализ языковых единиц; анализ доминантных психолингвистических сценариев.

В. З. Демьянков рассматривает сценарий как один из вариантов интерпретации текста, «когда ключевые слова и идеи текста создают “сценарные” структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений. <...> скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконструировать полный тематический фрейм», который включает информацию о фокусе внимания, главных действующих лицах, сюжете, развитии действия, траектории движения и т. п. [Демьянков, 1996. С. 181].

Интен-анализ медиатекстов позволил нам установить, что в них представлены следующие интенциональные категории [Ушакова и др., 1998. С. 103].

- «Мы» – журналисты aif.ru; Московская государственная Дума / Мосгордума; Мосгоризбирком / избирательная комиссия / избирком; глава Мосгоризбиркома Валентин Горбунов, полиция и др. Эта категория представлена журналистами в контекстах с нейтральной или мажорной тональностью при обсуждении себя и своих сторонников. Авторы используют интенции «информации, ограничения, разоблачения, наказания, самопрезентации, оценивания (+), неявной презентации, похвалы, успокоения аудитории» для самопрезентации и характеристики своих сторонников. Покажем на примере интенций в тексте «“До революции, как до Луны”. Как оппозиция рвется на выборы в Мосгордуму?»: *подвел первые итоги регистрации кандидатов на выборы, отказали в выдвижении из-за обнаруженных нарушений, найдено почти десять тысяч подписей умерших людей, АиФ.ру рассказывал ранее о фальшивых подписях, в избиркоме расценили это как давление, не допустили к выборам, полицией было задержано; полиция накрыла квартиру, в которой в пользу Соболь рисовали подписи для регистрации (АиФ.ру подробно писал об этом ранее); попробуем разобраться;*

² Аргументы и факты. Федеральный АиФ. URL: <https://aif.ru/politics/russia/> (дата обращения 22.12.2019).

юрист Иван Ремесло, ранее **обнаруживший** «мертвые души» среди подписантов оппозиции и др. [АиФ, 18.07.2019].

• «Они» – оппозиция, активисты, протестующие; представители внесистемной оппозиции; кандидаты, отстраненные от выборов; так называемые «независимые кандидаты»; Алексей Навальный, глава муниципального округа «Красносельский» Илья Яшин, соратники Алексея Навального Любовь Соболь и Иван Жданов, бывший депутат Дмитрий Гудков, бывший председатель партии «Яблоко» Сергей Митрохин, ряд их соратников и др. При описании этой категории доминируют контексты с интенциями «наказание, критика, оценивание (–), дискредитация, безличное обвинение, разоблачение, предупреждение, угроза», которые обладают минорной тональностью разной степени интенсивности: **оппозиция рвется на выборы; протестующие попытались организовать мини-майдан: поставили палатки на асфальт, заказали доставку биотуалетов; часть активистов участвовала в потасовке с полицией; Яшин боролся с вредителями в штабе; подозревал сотрудников штаба во вредительстве; требовал разблокировать телефоны и давать ему их на проверку; от старой команды начал избавляться: у сборщиков обманом забирали назад заключенные со штабом договоры, отказывались платить, ссылаясь на плохое качество подписей; Соболь покупала подписи в свою поддержку; начала травлю другого оппозиционного кандидата; на митингах юрист ФБК была одной из самых активных фигур; она спровоцировала стычку с полицией; часть активистов участвовала в потасовке с полицией; вместо объединения оппозиция в очередной показала своему избирателю огромный кукиш** и др. [АиФ].

Реже эта категория встречается в нейтральных контекстах – интенции «информация, предупреждение, обращение, требование, призыв, объявление, обещание»: **протест широко рекламируется в соцсетях; «независимые кандидаты» обратились с открытым письмом к МГИК с требованием допустить их всех до выборов; объявили о серии протестных митингов, которые обещают проводить до тех пор, пока их кандидатуры не будут утверждены; Илья Яшин в своем Facebook призывал протестовать против низких зарплат, точечной застройки, транспортной политики, запрета интернета, произвола силовиков, «призывного рабства»** и др. [Там же].

Единичны мажорные контексты, где категория «они» оценивается позитивно: **многие представители внесистемной оппозиции прошли регистрацию, занимались нормальной кампанией по сбору подписей; добились желаемого и стали кандидатами, потому что они не занимались раздуванием информационного шума и не радикализировали повестку; «молодняк не распылял ресурсы на хайп и общую протестную повестку, а собирал подписи и работал со сторонниками»** [Там же].

• «Третья сторона» – обычные люди, избиратели; сборщики подписей, подписанты; члены штабов кандидатов; журналист и публицист Олег Кашин; журналисты Федерального агентства новостей; член партии «ПАРНАС» Михаил Конев; политолог Алексей Мухин; бывший заместитель главреда сайта «Эхо Москвы» Леся Рябцева; экс-координатор штаба Яшина в Мещанском районе Пётр Проскуркин; координатор сборщиков подписей Арсений и др. Контексты, представляющие третью сторону, содержат интенции «информации, привлечения внимания, разоблачения, обвинения, оценивания (–)/(+), объяснения, обращения», адресованные читателям в разрешаемой ситуации. Как правило, они обладают нейтральной тональностью, предполагающей объективность информации: **написал в своем телеграм-канале; Михаил Конев обвинил в использовании служебного положения для регистрации на выборах; Конев обратил внимание, что Яшин использовал официальный сайт района, созданный за бюджетный счет; Конев обратился в Мосгоризбирком с просьбой отказать Яшину в регистрации из-за нарушения избирательного кодекса Москвы; о нарушениях при сборе подписей в штабе Яшина сообщил экс-координатор его штаба; он написал в своем Facebook; большинство людей, которым звонили с просьбой подписаться за Яшина, отказывались; люди уходили из штаба, просто проклиная некогда уважаемого Яшина; журналисты Федерального агентства новостей нашли на сайте politrabota.ru объявления,**

согласно которым жителям предлагали за вознаграждение подписаться в поддержку выдвижения Соболев; телеграм-канал «Медиатеchnолог» опубликовал интервью с одним из координаторов сборщиков подписей Арсением; по его словам он начал понимать, что ежедневная статистика сбора подписей, которую разглашала Соболев, и реальное число собранных автографов сильно расходятся друг с другом; в штабе замалчивалась история с найденной «фабрикой по сбору подписей»; политолог Алексей Мухин считает, что отклика среди горожан истории оппозиционеров о «гонениях» на них не вызвали; выходец из оппозиционного лагеря, бывший заместитель главреда сайта «Эхо Москвы» Леся Рябцева считает, что собрать настоящие подписи было вполне реально, если бы кандидаты работали, а не «бились лбом об стену, негодую и ничего при этом не меняя»; по ее словам, Яшин, Навальный, Митрохин, Гудков провоцировали власть, надеясь на жесткую реакцию и т. п. [АиФ, 18.07.2019].

- «Ситуация»: в контекстах реализуются интенции «информация, анализ, оценивание», направленные на обсуждение событий, связанных с выборами в Мосгордуму. В оценке исходной ситуации доминирует нейтральная тональность: **выборы в Мосгордуму состоятся в Москве 8 сентября; из 290 человек, подавших документы на выдвижение, были зарегистрированы 233; первый митинг прошел 14 июля у стен Мосгоризбиркома; в итоге 39 человек было задержано, остальные разошлись; большинство задержанных были отпущены следующим утром; очередной митинг состоялся 17 июля на Трубной площади; несмотря на то, что протест широко рекламируется в соцсетях, пока он привлекает немного людей; митинг у МГИКа и на Трубной собрали около тысячи человек** и т. п. [Там же].

Результаты интент-анализа текстов позволяют сделать вывод об их конфликтном характере [Ушакова и др., 1998. С. 108]. Так, категория «мы» («свои») оценивается преимущественно позитивно, реже – нейтрально, а категория «они» («чужие») оценивается исключительно негативно, причем по мере развития ситуации интенсивность негативной оценки нарастает. Наиболее интересно в текстах представлена позиция журналистов в отношении «третьей стороны». Привлечение на свою сторону аудитории сайта осуществляется не только путем разоблачения и дискредитации интенциональной категории «они». Более воздействующей в коммуникативном отношении представляется стратегия «игра на понижение» [Иссерс, 1999. С. 160]. Дискредитация, умаление авторитета группы «они» осуществляется путем показа того, как сборщики подписей, подписанты, члены штабов кандидатов, журналисты, политологи, избиратели и т. д., *теряя доверие к представителям оппозиции в связи с допускаемыми ими (причем сознательно) нарушениями*, превращались из «своих» в «третью сторону». Так, социальные практики «повседневности», составляющие основную часть нашей жизни, становятся эмоциогенными, конфликтогенными [Иссерс, 2015. С. 21; Шаховский, 2016. С. 205] и аксиогенными [Карасик, 2014. С. 6]. По мнению Я. А. Волковой, «деструктивное общение отвоевывает все более значительные позиции во всех без исключения сферах человеческой коммуникации [Волкова, 2014. С. 31].

Структурная модель доминантного сценария (далее – д-сценарий) А. А. Котова служит основанием для функционального определения речевого воздействия. Д-сценарий определяется исследователем как «отношение, связывающее некоторый семантический компонент и вызываемую реакцию (результат воздействия)» [Котов, 2003. С. 6], «структура, “распознающая” в семантическом представлении предложения модели, пугающие или каким-либо иным образом затрагивающие адресата»³.

Речевое воздействие определяется А. А. Котовым как «запуск механизмов тревоги» у адресата с помощью текста. Адресант создает текст, ориентированный на то, что адресат построит смысл, соответствующий начальной признаковой модели какого-либо д-сценария. Это приведет к активизации адресатом эмоционального д-сценария. Исследователь отмечает

³ Котов А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах. 2004. URL: <http://www.harpia.ru/d-scripts.html> (дата обращения 19.12.2019).

значимость валентностей агрессора и жертвы в начальных признаковых моделях д-сценариев [Котов, 2003. С. 13].

Обозначим участников анализируемой коммуникативной ситуации. Так как за основу мы берем медиадискурс, то основным адресантом является издание «Аргументы и факты», в частности сайт aif.ru, в лице представляющих его журналистов. Адресатом при этом выступает целевая аудитория сайта. «Сайт ИД “Аргументы и факты” aif.ru в настоящее время является одним из самых востребованных цифровых газетных ресурсов страны» [Российская периодическая печать, 2020. С. 45]. Аудитория сайта – это мужчины и женщины в возрасте от 16 до 65 лет, по результатам исследований TNS Gallup Media, более 60 % имеют высшее образование, работающие, более 50 % руководителей и специалистов, имеющих доход средний и выше среднего ⁴.

По нашему мнению, к группе адресата (жертвы) относится не только реальная аудитория, но и потенциальная – любой посетитель сайта, в том числе представители власти (категория «мы»); граждане РФ, журналисты других изданий (возможно, и журналисты АиФ), политологи и т. п. (категория «третья сторона»). Соответственно, агрессором по отношению к ним выступают представители категории «они»: оппозиция, протестующие, кандидаты, отстраненные от выборов и т. д. Они составляют контргруппу (не входят в число коммуникантов). А. А. Котов отмечает, что в текстах СМИ в ситуации речевого воздействия адресант демонстрирует адресату ситуацию, в которой адресат лишается каких-либо ресурсов по вине контргруппы ⁵.

Мы считаем, что в анализируемых текстах общий тип коммуникации адресанта и адресата можно определить как коммуникацию жертв («Что делают с тобой твои враги?») и призыв к действию [Котов, 2003. С. 14]. «Воздействие происходит в результате осознания адресатом того, что контргруппа представляет для него опасность, присваивает или уничтожает его ресурсы, либо обманывает группу адресата» [Там же. С. 17].

Проанализируем особенности речевого воздействия на примере д-сценариев в медиатекстах АиФ о протестах, связанных с выборами в Мосгордуму (см. таблицу).

Типы д-сценариев в медиатекстах о выборах в Мосгордуму
(сайт <https://aif.ru>)
Types of d-scenarios in media texts
about the elections to the Moscow City Duma

№ п/п	Название д-сценария	Представленность в медиатекстах, %
1	Обман	38,4
2	Неадекватность	19,3
3	Тщетность	7,6
4	Опасность	7,1
5	Ценностные ориентации	5,8
6	Намерение / планирование	5,1
7	Ограничение	4,9
8	Действие	4,4
9	Призыв к соблюдению закона	3,2
10	Другое	4,2

Ключевым, несмотря на незначительность количественного представления, является доминантный сценарий «Ограничение» – 4,9 %, так как при описании ситуации протестов

⁴ Аргументы и факты (Россия). Информация о газете. URL: <http://psnam.agency-siam.ru/about/> (дата обращения 15.01.2020).

⁵ Котов А. А. Механизмы речевого воздействия...

именно он обозначает начальную модель, запускает сценарии для интерпретации события и обуславливает их выбор ⁶.

Сценарий «Ограничение» активизируется сообщениями об ограничении свободы, действий или каких-либо ресурсов одного из коммуникантов ⁷, в наших примерах ограничение свободы, действий касается не коммуникантов, а представителей контргруппы, относящихся к интенциональной категории «они»: *«Главе муниципального округа “Красносельский” Илье Яшину, соратникам Алексея Навального Любове Соболев и <...> отказали в выдвижении из-за обнаруженных нарушений при сборе подписей»* (АиФ, 18.07.2019); *«Отказано в регистрации 57 кандидатам, каждому из которых требовалось собрать примерно по 5 тыс. подписей»* [Там же].

Ограничение обозначено журналистами АиФ как законно осуществленная мера. При этом в текстах делается акцент на самом действии («отказали», «отказано»), а субъект, ограничивший действия (*глава и члены Мосгоризбиркома*), может быть определен только из контекста: *«17 июля глава Мосгоризбиркома Валентин Горбунов подвел первые итоги регистрации кандидатов на выборы в Мосгордуму. Из 290 человек, подавших документы на выдвижение, были зарегистрированы 233»* [Там же].

Наиболее важным актантом для данной ситуации является указание причины действия «отказали»: *обнаруженные нарушения, бракованные, фальшивые подписи, изменение даты рождения, несоответствие адресов / данных, подписи умерших людей – «мертвые души»* и т. д. Фразеологизм «мертвые души» обозначает людей, «несуществующих, придуманных для каких-либо махинаций, личных выгод» ⁸. Методом компонентного анализа мы выявили актуализируемые им семантические признаки: «нечестный способ», «жульничество», «махинация», «мошенничество», «плутовство» ⁹. Очевидна ассоциация с широко известной практически каждому россиянину по школьной программе поэмой Н. В. Гоголя. Так, один из текстов имеет заголовок *«Рассказать бы Гоголю. Оппозиция использовала данные умерших людей»* и лид *«Тем временем появилась новая информация об избирательной кампании оппозиции в стиле бессмертного произведения Гоголя “Мертвые души”»* (АиФ, 24.07.2019). А в качестве характерологического элемента визуализации использован коллаж с изображением потрепанного, с пожелтевшей от времени обложкой тома бессмертного литературного произведения с резюмирующей подписью *«Выборы в Мосгордуму – сюжет для бессмертного произведения Гоголя “Мертвые души”, часть третья... ©Коллаж АиФ»* [Там же]. По мнению литературоведов, имя главного героя этого произведения, Чичикова, давно стало нарицательным и «традиционно выступает символом мошенничества, лживости, лести, лицемерия, используется как средство для отрицательной оценки деятельности современных политиков и предпринимателей» [Баль, 2017. С. 147].

И реакция читателей на подобные действия очевидна, поэтому в единственном комментарии к тексту (авторизованном) звучит риторический вопрос: *«Как можно верить такой оппозиции?»* [Там же].

Именно семантический анализ актанта «причина ограничения» помогает «“прочитать” в тексте когнитивные модели, каким-либо образом затрагивающие интересы адресата» ¹⁰, так как в анализируемых медиатекстах АиФ мы наблюдаем явное пересечение сценария «Ограничение» с д-сценариями «Обман» и «Неадекватность».

Д-сценарий «Обман» активизируется сообщениями об обмане коммуниканта либо о скрытых действиях агрессора ¹¹. В текстах АиФ он доминирует – 38,4 %.

⁶ Котов А. А. Механизмы речевого воздействия...

⁷ Там же.

⁸ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка М.: Астрель, АСТ. 2008. URL: <https://phrasology.academic.ru/3940/> (дата обращения 15.01.2020).

⁹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 25.01.2020).

¹⁰ Котов А. А. Механизмы речевого воздействия...

¹¹ Котов А. А. Механизмы речевого воздействия...

По мнению В. Ю. Апресяна, лексема «обман» является аналогом (причем наиболее близким) по отношению к синонимическому ряду «неправда, ложь, вранье» [НОССРЯ, 2000. С. 229], соответственно, имеет значение, которое обобщенно формулируется исследователем как «неверная передача фактов в условиях, когда человек знает правду» [Там же. С. 223]. Для *обмана* характерен следующий набор признаков: 1) **сознательное** введение адресата в заблуждение **с целью** добиться чего-то **для себя**; 2) более широкий спектр **средств создания заблуждения** – не только высказывания, но и действия, а в ситуации с фальсификацией – конкретный предмет; 3) наличие продуманного плана, взаимосвязанных действий или высказываний [Там же. С. 224]: *«Итак, оппозиция нам лгала, заявляя, что они “собрали идеальные подписи”. Доказано: в подписях всех оппозиционеров присутствуют “мертвые души”. А вот доказательств того, что подписи “подкинули”, нет никаких»* (АиФ, 24.07.2019).

Включение в медиатексты лексем «фальшивый», «фальсифицировать» и их дериватов и синонимов актуализирует смысл «нарушение закона» [НОССРЯ, 2000. С. 224], что связано с подделкой подписей в поддержку кандидатов в депутаты Мосгордумы. Причем этот смысл с каждым новым текстом усиливается, подчеркивается степень нарушения: от *«фальшивые/недостовверные/нарисованные подписи»* (АиФ, 18.07.2019), *«фальсификаторы подписей, которые заполняли подписные листы в поддержку кандидатов»* (АиФ, 24.07.2019) до *«“фабрики” по фальсификации подписей в пользу Соболь»* (АиФ, 01.08.2019).

Реализация д-сценария «Обман» привела к актуализации доминантного психолингвистического сценария «Намерение, планирование» – 5,1 %. Этот д-сценарий активизируется сообщениями о намеренном характере или планировании действий агрессора против жертвы. В анализируемых текстах мы обнаружили несколько возможных вариантов развития этого сценария:

а) агрессор – оппозиция, кандидаты, отстраненные от выборов; жертвы – представители интенциональной категории «мы», в первую очередь различные ветви власти г. Москвы, – мэр Москвы С. Собянин, Мосгордума, Мосгоризбирком, глава Мосгоризбиркома В. Горбунов, ГУ МВД по Москве, прокуратура, полиция, журналисты aif.ru и др. Так как самим оппозиционерам в публикациях aif.ru слова не дают, действия агрессора представлены в интерпретации журналистов издания: *«“Независимые кандидаты” обратились с открытым письмом к МГИК с требованием допустить их всех до выборов. В избиркоме расценили это как давление»; «Оппозиционные политики считают, что их незаконно не допустили до выборов. Они объявили о серии протестных митингов, которые обещают проводить до тех пор, пока их кандидатуры не будут утверждены»* (АиФ, 18.07.2019); *«Цель был понятна – спровоцировать общественное недовольство отказом в приеме “народных” подписей, даже если там содержался откровенный “брак” и вместо живых людей “подписывались” “мертвые души”. <...> Главное – поймать “хайп”, устроить “движуху” и отработать технологию рекрутирования за деньги людей для создания массовости протеста»* (АиФ, 24.07.2019). Следовательно, запускается д-сценарий «Неадекватность» агрессора, пытающегося манипулировать адресатом. Именно это, по нашему мнению, подчеркивает В. И. Шаховский, характеризуя влияние *модуса кажимости* на субъективное восприятие мира разными людьми, обуславливающее нарушение баланса эмоциональной толерантности в общении и причины недопонимания [Шаховский, 2016. С. 270];

б) агрессор – оппозиция, кандидаты, отстраненные от выборов; опосредованно жертва – обычные люди, подписанты, избиратели, протестующие и т. п. Действия агрессора, по мнению журналистов АиФ, обман, провокация, организация массовых беспорядков: *«Вместо объединения оппозиция в очередной показала своему избирателю огромный кукиш. <...> выгнав Нюту, “мочив” (в оригинале поста здесь нецензурное слово. – Е. В.) друг друга и не зарегистрировавшись сами, они оставили округ без своего кандидата»* (АиФ, 24.07.2019); *«Получается, что главная задача организаторов акции – спровоцировать правоохранителей на активные действия и в конечном итоге на задержание участников, тем самым вызывая дополнительное недовольство уже самих митингующих»*.

По принципу “чем хуже, тем лучше”. Но кому-то очень хочется устроить “второе издание Болотной”, а в идеале – нечто подобное акциям “желтых жилетов” во Франции, со всеми вытекающими последствиями – массовыми беспорядками, силовым противостоянием протестующих с сотрудниками правоохранительных органов» (АиФ, 27.07.2019).

В данной конфликтной коммуникации адресант в лице журналиста АиФ напоминает аудитории о прецедентных ситуациях: 1) «Напомним, что 6 мая 2012 года на Болотной площади прошел “Марш миллионов”, приуроченный к итогам президентских выборов» (АиФ, 06.05.2015); 2) протест «желтых жилетов» во Франции: «Осенью 2018 – зимой 2019 гг. по всей Франции гремели антиправительственные протесты “желтых жилетов”, которые выступали против повышения тарифов ЖКХ и цен на бензин. С самого начала правительство заявило, что не собирается “защищать порядок Республики мягкими словами”. В результате против протестующих применялись все репрессивные методы воздействия: от слезоточивого газа, шумовых гранат и водяных пушек до массовых задержаний и арестов» (АиФ, 02.08.2020).

Так как обе ситуации сопровождались столкновениями с полицией и массовыми задержаниями протестующих, журналист информирует аудиторию о том, что планы агрессора представляют для нее опасность, таким образом, запускается д-сценарий «Опасность». Чтобы усилить этот эффект, в качестве экспертов/лидеров мнений привлекают представителей власти, которые предупреждают жителей г. Москвы о возможности *силового сценария развития событий, провокаций, представляющих угрозу безопасности, жизни и здоровью людей*; обещают принять меры для обеспечения безопасности граждан и пресечения нарушений общественного порядка; гарантируют привлечение к ответственности всех тех лиц, которые призывают всех к массовым беспорядкам и насилию и т. п. (АиФ, 27.07.2019–30.07.2019, 01.08.2019–03.08.2019). Следовательно, запускается сценарий «Тщетность» действий протестующих, осуществляется успокоение адресата относительно опасности, возникшей в результате действий контргруппы.

Резюмируя, подчеркнем, что проведенный нами анализ медиатекстов АиФ, посвященных протестам, связанным с выборами в Московскую городскую Думу в 2019 г., показал доминирование идеологического вектора в репрезентации массмедийного концепта *ПРОТЕСТ*, обуславливающего рамку наблюдателя и интерпретатора: выбор событий, лидеров мнений, прогнозы и т. п., что нашло подтверждение на всех этапах нашего исследования.

Список литературы

- Баль В. Ю.** Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 49. С. 147–167.
- Бараш Р. Э.** Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 123–138.
- Болдырев Н. Н.** Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
- Бушев А. Б.** Дискурс глобальных медиа: оптика исследования // Вестник ТвГУ. Сер. «Филология». 2015а. № 1. С. 187–195.
- Бушев А. Б.** Протестный дискурс: оптика исследования // Вопр. теории и практики журналистики. 2015б. Т. 4, № 2. С. 170–182.
- Волкова Я. А.** Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Волгоград: Перемена, 2014. 304 с.
- Демьянков В. З.** Сценарий // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 181–182.
- Дзялошинский И. М.** Медиaprостранство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. 479 с.

- Ильин М. В.** К ответу! Концепт протеста как исходный момент категории подотчетности // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журн. полит. философии и социологии политики). 2014. № 1 (72). С. 6–13.
- Иссерс О. С.** Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАЛД, 2015. 272 с.
- Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Ом. гос. ун-т, 1999. 285 с.
- Карасик В. И.** Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. 450 с.
- Котов А. А.** Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 24 с.
- Кубрякова Е. С.** В поисках сущности языка // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2009. № 1. С. 5–12.
- Кубрякова Е. С.** Концепт // *Краткий словарь когнитивных терминов* / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 90–93.
- НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2000. Вып. 2. 488 с.
- Полонский А. В.** Массмедийность как категория дискурса и текста // *Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования*. I Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. науч. работ / Под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. Белгород: Константа, 2014. 382 с.
- Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2020. 139 с.
- Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И.** Интент-анализ политических текстов // *Психологический журнал*. 1998. № 4. С. 98–109.
- Шаховский В. И.** Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов, 2016. 504 с.

References

- Bal V. Yu.** *Obraz Chichikova v sovremennoy russkoy proze* [The image of Chichikov in modern Russian prose]. *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filologiya*, 2017, no. 49, p. 147–167. (in Russ.)
- Barash R. E.** *Sistemno-kommunikativnaya teoriya protesta: protest kak "al'ternativa bez al'ternativy"* [Systemic-communicative theory of protest: protest as an "alternative without alternative"]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2018, no. 3, p. 123–138. (in Russ.)
- Boldyrev N. N.** *Problemy verbal'noy kommunikatsii v kognitivnom aspekte* [The problems of verbal communication in the cognitive aspect]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2017, no. 2, p. 5–14. (in Russ.)
- Bushev A. B.** *Diskurs global'nykh media: optika issledovaniya* [Global Media Discourse: Research Optics]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya*, 2015, no. 1, p. 187–195. (in Russ.)
- Bushev A. B.** *Protestnyy diskurs: optika issledovaniya* [Protest discourse: research optics]. *Vopr. teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, vol. 4, no. 2, p. 170–182. (in Russ.)
- Demiyankov V. Z.** *Stsenariy* [Scenario]. In: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow, 1996, p. 181–182. (in Russ.)
- Dzyaloshinsky I. M.** *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnye strategii sotsial'nykh institutov* [Russian Media Space: Communication Strategies of Social Institutions]. Moscow, Izd-vo APK i PPRO, 2013, 479 p. (in Russ.)
- Ilin M. V.** *K otvetu! Kontsept protesta kak iskhodnyy moment kategorii podotchetnosti* [To the answer! The concept of protest as the starting point of the accountability category]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*, 2014, no. 1 (72), p. 6–13. (in Russ.)

- Issers O. S.** Diskursivnye praktiki nashego vremeni [Discursive practices of our time]. Moscow, LENALD, 2015, 272 p. (in Russ.)
- Issers O. S.** Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk, Omsk State Uni. Press, 1999, 285 p. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of personality]. Volgograd, Paradigma, 2014, 450 p. (in Russ.)
- Kotov A. A.** Mekhanizmy rechevogo vozdeystviya v publitsisticheskikh tekstakh SMI [The mechanisms of speech influence in journalistic texts of the media]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2003, 24 p. (in Russ.)
- Kubryakova E. S.** V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the essence of language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2009, no. 1, p. 5–12. (in Russ.)
- Kubryakova E. S.** Kontsept [Concept]. In: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow, 1996, p. 90–93. (in Russ.)
- Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000, iss. 2, 488 p. (in Russ.)
- Polonskiy A. V.** Massmediynost' kak kategoriya diskursa i teksta [Mass media as a category of discourse and text]. In: *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Eds. E. A. Kozhemyakin, A. V. Polonsky, A. G. Khodeev. Belgorod, Konstanta, 2014, 382 p. (in Russ.)
- Rossiyskaya periodicheskaya pechat'. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya [Russian periodicals. Status, trends and development prospects]. Otrasevyy doklad Upravleniya periodicheskoy pechati, knigoizdaniya i poligrafii. Moscow, Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam, 2020, 139 p. (in Russ.)
- Shakhovskiy V. I.** Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii [The discord of environmental friendliness in the communicative circle: man, language, emotions]. Volgograd, Polikarpov Publ., 2016, 504 p. (in Russ.)
- Ushakova T. N., Tseptsov V. A., Alekseev K. I.** Intent-analiz politicheskikh tekstov [Intent analysis of political texts]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1998, no. 4, p. 98–109. (in Russ.)
- Volkova Ya. A.** Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive communication in the cognitive-discursive aspect]. Volgograd, Peremena, 2014, 304 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
29.01.2020*

Сведения об авторе

Лукашевич Елена Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики журналистики института массовых коммуникаций, филологии и политологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия)

lmce@mail.ru

Information about the Author

Elena V. Lukashevich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head the Department of the Theory and Practice of Journalism, Institute of Mass Communications, Philology and Political Science, Altai State University (Barnaul, Russian Federation)

lmce@mail.ru